

ii. первые древнерусские переводы

1 Много истоков

Мишель Фуко ¹³ писал о мифе истоков, что хотя каждый современный феномен имеет множественное происхождение и был выкован в большом количестве часто случайных столкновений разных сил, мы тем не менее часто ищем одну исходную точку, «с чего все и началось»¹⁴. В своей реконструкции развития феномена исследователи потому часто завязят от выбора этой точки — ведь якобы в ней, если следовать обычной метафоре, как в семени или зародыше, уже содержались все тенденции дальнейшего его развития и была в потенции заложена его зрелая форма. В зависимости от того, какую точку исследователь выбирает за исходный пункт, ему придется потом вести и отслеживать линию развития этого феномена. Фуко же настаивал, что истоков много, потому генеалогии развития можно простроить разные, да и сам феномен под влиянием разных формирующих его исторических сил мог претерпеть эпохальные трансформации и стать совсем не связанным с первоначальным истоком. Можно сравнить этот феномен с деталью, вышедшей из отливки заготовки грубой болванкой, но далее попадающей на несколько последовательных конвейерах под давление разных прессов или воздействие мощных станков.

Реальная **история** однако отличается тем, что и в ней возможна случайность, и потому случающееся иногда выглядит так, словно какой-то богоподобный шалун вдруг либо начал переставлять конвейеры по своему желанию, перебрасывая деталь с одного на неожиданный новый другой, либо начал отрезать от нее куски или добавлять к ней новые непредвиденные раньше куски, не следуя одному жесткому заранее известному производственному плану. После всего этого прессования, перековки и серии переделок деталь сохранит только название, но не назначение или функцию. Конечно, мы, как рациональные ученые, зная исток и конечную стадию развития феномена, всегда можем задним числом прочертить логичную линию от заготовки до нынешнего состояния изделия, — что многие исследователи и делают. Наши обычные истории феномена потому и утверждают, что якобы именно такие конвейеры и трансформации и надо было этой детали пройти, чтобы закономерным способом стать именно ей самой. В этой книге я попытаюсь, однако, проследить дела шальной истории, иногда причудливо играющей с феноменом, как изобретательный ребенок с непонятной для него игрушкой.

Множественность, а не единичность — вот судьба исторического истока. Например, в зависимости от того, на какой словарь древнерусского языка мы посмотрим, мы можем найти три разных первых употребления слова «общество». Остановимся на каждом из них. Самый древний, если

i См. книгу серии «Азбука понятий»: Волков В. Государство, или Цена порядка, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 15.

См. книгу «История» серии «Азбука понятий»

исходить из даты, приводится в Словаре русского языка XI–XVII вв., это цитата из Успенского сборника конца XII – начала XIII века [1]. Цитата из «Слова на Вербицу» [2], приписываемого Иоанну Златоусту, гласит: «Не бо ничто же Троица охудее, или уступить коли, или присности, или обьщества или цесарства» [3]. Это предложение переводило следующее греческое высказывание: “Ouden gar tēs Triados elattōthēsetai ē pauthēsetai, pote ē tēs aidiotētos, ē tēs koinotētos kai basileias”, где слово «общества» соответствовало *tēs koinotētos*.

Релевантный здесь термин *koinotēs* (κοινότης, если писать по-гречески; в строке выше он стоит в родительном падеже) есть производное от прилагательного *koinos*, «общий», и переводится в своих основных значениях в словаре древнегреческого языка И. Х. Дворецкого так: 1) общность, общее свойство, 2) общность, общее владение, общественная принадлежность, 3) общеупотребительность (как у языка, например). Другие три значения менее распространены, это: 4) общеизвестность, 5) общительность и 6) грамматическая категория (общность формы для разных грамматических родов).

Ведущий англоязычный словарь древнегреческого языка Лиддел-Скотт-Джонс замечает, опираясь на один из оксиринхских папирусов [4], что к IV веку н. э. — когда Златоуст писал свои Слова, — *koinotēs* приобрело значение *a general body of a boulē*, то есть состав Думы, как сказали бы мы сейчас. Слово *boulē* означало как процесс взвешивающей за и против deliberации (то есть обдумывания того, что надо сделать), так и сам обдумывающий эти решения орган, то есть означало как думу, так и Думу. В Афинах демократического периода (а не во времена Римской империи, когда писал Златоуст) Буле состояла из пятисот человек, назначаемых на один год по жребию, причем каждый гражданин мог стать членом Буле в течение жизни не более двух раз. При монархиях и в империи Буле принимала функции консультативного органа при единоличной власти. Когда в современной греческой церкви во время литургии используют Слова Златоуста, *koinotēs* понимается как церковный приход, община.

Латинский перевод фразы Златоуста, попавшей в Успенский сборник, гласит: «Nihil enim in Trinitate minuetur: non finis erit aeternitatis, aut communionis, aut regni»ⁱⁱ. Учитывая латинский текст, перевести греческий можно примерно так: «Ибо ничто не уменьшится в Троице: не будет конца ни вечности, ни общности, ни царствию». Смысл высказывания, как его можно реконструировать из контекста, заключается в том, что время не может повлиять на Троицу, – вечно будет все так же сильно единение-общение ее трех лиц (ипостасей), и будет ее господство над миром. Действительно, до этой фразы в манускрипте говорится: «Едино бо цесарство отцу и сыну и святому духови, яко же едино цесарство и едино господство». Далее утверждается, что единым поклонением служим трисоставному божеству, которое не имеет начала (греческое **anarchon**) , не было сотворено, «не сгонимо и не переменимо». Несмотря на течение времени, ни Отец не перестает быть отцом, ни Сын – сыном и бисилеем (то есть царем),

i Успенский сборник XII–XIII вв. М.: АН СССР, 1971. С. 391. Л. 237г.

ii Латинский и греческий текст цит. по: Spuria, Admonitio in Ramos palmarum // S. Joannis Chrysostomus. Patrologia Graeca / ed. by J.-P. Migne. T. LIX. Paris, 1862. P. 707.

См. книгу «Анархия», выходящую в серии «Азбука понятий»

- **Успенский сборник** – уникальная книга, в которой располагаются помесные чтения житий некоторых святых и цикл поучений на разные дни пасхального цикла. Название его связано с тем, что рукопись эту нашли в собрании Успенского собора Московского кремля в 1842 году.
- **Вербное воскресенье** – праздник перед Пасхой, который знаменует Вход Господень в Иерусалим перед его гонениями, распятием и воскресением.
- **Оксиринхские папирусы** – папирусы, обнаруженные британскими учеными Бернардом Гренфеллом и Артуром Хантом во время раскопок у города Оксиринх в Египте в 1896–97 годах.

ни Святой Дух не теряет свои свойства, так как они – ипостаси Троицы. И после ключевого для нас высказывания про «общество» читаем: но был как человек Сын Божий и смог преодолеть мучителя (латинское *tyrannum devicit*, греческое *turannon*, то есть дьявола) и злого врага победить (*de inimico ejus reportavit victoriam*)¹. «Общество» в данном контексте означает единство и взаимное общение или общность природы трех лиц Троицы.

Надо отметить две особенности этого понимания «общества».

Во-первых, оно встречается не только в Успенском сборнике. То же Слово, приписываемое Златоусту, находится и в Супрасльской рукописи². Там читаем: «Не бо ничтоже Троица охудее, или уступить коли, и присности или обьштства и цесарьства». Здесь орфография несколько другая: в Успенском сборнике слово «цесарьство» стоит под титлом³, не раскрыто, и используется *щ*, а не *шт* в слове «общество». Поразительно, что уже в XI–XII веках в первых учительных сборниках, передававших христианскую культуру вновь обращенным народам (и прежде всего самым образованным в то время людям, то есть монахам), мы находим слово «общество». Но не менее поразительно и то, что и в XVII веке им почти что не пользуются в повседневной жизни.

Во-вторых, греческий термин *koinotēs*, который перевели как «общество», редко употреблялся в период классической античной философии. Например, у Аристотеля находим его всего пару раз в «Политике», где говорится, что идеальный проект Платона включал *koinotēs*, «общность жен, детей и имущества» (1274b10)⁴.

Зато этот термин обильно использовался в имперский период истории Рима. Как показывает база античных текстов Perseus, он чаще всего встречается прежде всего у Плутарха, автора знаменитых жизнеописаний, у одного из ведущих авторов Второй софистики⁵ Элия Аристида и у основателя восточного монашества, церковного писателя и богослова св. Василия Великого (330–379). У Плутарха находим его в том же контексте, что и у Аристотеля: например, в жизнеописании